

А. В. Котова

СПбГАВМ, Санкт-Петербург

VENERES CUPIDINESQUE (CATUL. 3. 1)

Понимание интонации играет значимую роль в правильной интерпретации текста. Особенно это касается поэзии: настроение любого лирического стихотворения представляет собой сложный, богатый нюансами комплекс. И если современниками легко и естественно воспринимаются лексико-стилистические эмоциональные «подсказки», а также отсылки к тем или иным текстам и событиям, то потомкам многое остается непонятным.

В большой степени это касается иронии. Ни у одного из римских поэтов филологи не усматривали ее так часто, как у Катулла. Многие его стихотворения до сих пор являются предметом споров.

При отсутствии внешних свидетельств (речей, писем и т. д.) определить интонацию стихотворения можно проведя стилистический анализ текста, выявив частотность употребления значимых слов и выражений, осмыслив их значения и коннотации.

Спорным с точки зрения настроения является *carm.* 3 Катулла — стихотворение на смерть птенчика. В научной литературе эти стихи характеризуются как пародия на плач [Пиотровский 1929: 140; Forsyth 1986: 110–111; Шервинский, Гаспаров 1986: 214; Амелин 2005: 154], ироническая стилизация [Doering 1834: 3; Goold 1969: 200; Walters 1976; Thomson 2003: 207], любовная лирика [Fordyce 1961: 92; Quinn 1973: 96; Johnson 2003: 32]. Одним из аргументов, при помощи которых исследователи постулируют иронический или пародийный характер *carm.* 3, является обращение *Veneres Cupidinesque* (*carm.* 3. 1): по мнению Филлиса Янга Форсайта, «Венеры и Купидоны» подчеркивают «пародийно-героический тон» всего стихотворения [Forsyth 1986: 111]. В данной статье проанализируем существующие трактовки использования множественного числа в выражении *Veneres Cupidinesque* (*carm.* 3. 1) и взвесим различные варианты понимания этого места. Особое внимание будет уделено языковому узусу.

Представление о множественности Купидонов, восходящее к эллинистическому искусству с его Эротами [Schwyzer 1903: 28; Rosenmeyer 1951], весьма распространено в римской литературе¹ [Furtwängler 1886: 1365–1368; Wlosok 1975: 165]; напротив, множественность Венер представляет особый интерес. Комментаторы и исследователи Катуллы приводят различные объяснения.

1. Философская аллюзия

Кеннет Квинн предлагает понимать Veneres в Catul. 3. 1 как отсылку к известной речи Павсания в «Пире» Платона (180 d — 182 a). Павсаний со всей серьезностью отстаивает идею о том, что существуют две Афродиты, у каждой из которых есть свой Эрот. Одна — Афродита Пандемос, а другая — более древнее и более почитаемое божество Афродита Урания [Quinn 1973: 97]. В интерпретации Платона Афродита Урания покровительствует любви к юношам, а более низменная Афродита Пандемос — любви к женщинам, так что любой намек на эту теорию в катулловских стихах был бы неуместен. Поэтому, на наш взгляд, Катулл в стихах о птенчике не делал отсылки к каким-либо философским концепциям — всерьез или в пародийном ключе.

Другой пассаж, который приводится в параллель к carm. 3. 1 в подтверждение ученой аллюзии у Катуллы, — это Cic. N. D. 3. 59, где упоминаются четыре Венеры [Ellis 1876: 7]:

- (1) *Venus prima Caelo et Die nata, cuius Eli delubrum vidimus; altera spuma procreata, ex qua et Mercurio Cupidinem secundum natum accepimus; tertia Iove nata et Diona, quae nupsit Volcano, sed ex ea et Marte natus Anteros dicitur; quarta Syria Cyproque concepta, quae Astarte vocatur, quam Adonidi nupsisse proditum est.*

‘Первая Венера, чей храм мы видели в Элиде, была рождена Днем от Неба. Вторая — родилась из пены морской; от нее и Меркурия, как мы полагаем, родился второй Купидон. Третья, которая вышла замуж за Вулкана, была рождена Юпитером и Дионой; но от нее и Марса, говорят, родился Антэрос.

¹ Thesaurus Linguae Latinae. Onomasticon Vol. 2. Col. 749. Ll. 50 sqq.

Четвертая, которую называют Астартой, была зачата Сирией от Кипра; она, как передают, вышла замуж за Адониса².

Сходный перечень четырех Венер есть в «Назидательной книге» Ампелия — мифолого-историческом компендиуме IV в. н. э. (9. 9)³. Не вдаваясь в философскую подоплеку этого рассуждения, которая пытается разграничить противоречащие друг другу мифологические представления об Афродите-Венере, заметим, что у Цицерона (и у Ампелия) *Veneres* перечисляются вместе с целым рядом других богов, число которых также приумножено: Юпитеров три, Солнц пять, Вулканов пять, Аполлонов четыре, Вакхов пять и т. д. Таким образом, Цицерон никак не акцентирует множественность Венер — их много, но много не только их.

2. «Общее место» александрийской поэзии

Квинн в своем комментарии отражает и другую версию: идея о существовании нескольких Афродит стала будто бы общим местом александрийской поэтической мифологии [Quinn 1973: 97]. В качестве аргумента приводится фрагмент Каллимаха, который в издании Рудольфа Пфайффера выглядит следующим образом (fr. 200 a):

- (2) Τὰς Ἀφροδίτας — ἡ θεὸς γὰρ οὐ μία —
ἡ Καστινήτις τῷ φρονεῖν ὑπερφέρει
πάσας,
ὅτι μόνῃ παραδέχεται τὴν τῶν ὕδν θυσίαν.
‘Всех Афродит — ибо эта богиня не одна — превосходит
мудростью Кастниетида, так как она единственная
принимает в жертву свиней’.

Фактически, однако, от ямба Каллимаха сохранился только первый стих, так как строки 2–4 представляют собой попытку

² Здесь и далее цитаты приводятся в переводе автора статьи.

³ Ампелий не зависит от Цицероновского трактата напрямую: совпадения между двумя текстами традиционно объясняются тем, что оба автора пользовались недошедшими до нас трудами александрийских мифологов [Немировский 2002: 166–167].

издателя восстановить текст с опорой на пересказ Страбона⁴ (9. 5. 437–438 C):

- (3) Καλλίμαχος μὲν οὖν φησιν ἐν τοῖς Ἰάμβοις τὰς Ἀφροδίτας (ἡ θεὸς γὰρ οὐ μία) τὴν Καστινήτιν ὑπερβάλλεσθαι πάσας τῷ φρονεῖν, ὅτι μόνῃ παραδέχεται τὴν τῶν ὧν θυσίαν.
 ‘Итак, Каллимах говорит в «Ямбах»: всех Афродит (ибо эта богиня не одна) Кастниетида превосходит мудростью, так как она единственная принимает в жертву свиней’.

К фрагменту 200 а примыкает fr. 200 b Pfeiffer, дошедший в составе схолия к ст. 873 «Птиц» Аристофана, где рассматривается эпитет Артемиды Коленида (Κολαινίς). Согласно схолиасту, о Колениде Каллимах говорит следующее:

- (4) τὴν ὠγαμέμνων, ὥς ὁ μῦθος, εἴσατο,
 τῇ καὶ λίπουρα καὶ μονῶπα θύεται.
 ‘Как говорят, Агамемнон установил ее культ; в жертву ей приносят бесхвостых и одноглазых’.

Кроме ямбических фрагментов сохранилась папирусная диегега к ним (Dieg. 8. 41 — 9. 11 Pfeiffer); именно из нее следует, что «Τὰς Ἀφροδίτας — ἡ θεὸς γὰρ οὐ μία (...)» — начальный стих Десятого ямба:

- (5) Τὰς Ἀφροδίτας — ἡ θεὸς γὰρ οὐ μία· Ἐν Ἀσπένδῳ τῆς Παμφυλίας τῇ Καστνίῃ Ἀφροδίτῃ ὅς ἱεουργεῖται ἐντεῦθεν· Μόψος ἀρχηγὸς τῶν Παμφυλίων ἐπὶ θήραν ἐξιὼν εὔξατο αὐτῇ εὐβολήσας ὃ ἂν λάβοι πρῶτον καλλιερήσειν. καὶ δὴ θηράσας κάπρον ἐτέλεσε τὴν ἐπαγγελίαν. ἀφ’ οὗ καὶ Παμφύλιοι μέχρι νῦν τοῦτο ποιοῦσιν· εἰ μὴ γὰρ ἦδετο ἡ θεὸς, οὐκ ἂν ὁ Μόψος ἐκυνήγησεν τοῦτο. ἐπαινεῖ δὲ καὶ τὴν Ἐρετριέων Ἀρτεμιν, ὅτι πᾶν τὸ θυόμενον οὐκ ἀποσεῖται.
 ‘Всех Афродит — ибо эта богиня не одна. В Аспенде, что в Памфилии, Афродите Кастнии приносится в жертву свинья; Мопс, глава памфилийцев, отправляясь на охоту, помолился ей, сделав удачный бросок костями, о том, что принесет в

⁴ Другие попытки восстановить текст фрагмента представлены в книге: [Kerkhecker 1999: 208].

жертву то животное, которое поймает первым. И вот, поймав кабана, он выполнил обещание. С того времени и по сей день памфилийцы делают так; ибо если бы богиню это не радовало, Мопс бы не выследил его. Также он [Каллимах] восхваляет Артемиду эретрийцев, так как она не отвергает ничего из того, что приносят ей в жертву⁵.

Итак, в Десятом ямбе Каллимаха приводились истоки культа Афродиты Кастнии в памфилийском городе Аспенде и объяснение (αἴτιον) того, что в рамках этого культа ей приносились в жертву свиньи. Также в нем упоминалось, что Артемиде Эретрии принимала любую жертву (можно предположить, что и в этом случае Каллимах приводил αἴτιον, но диегеза его не сохранила) [Kerkhecker 1999: 207; cf. 211].

Арнд Керкхекер в монографии о «Ямбах» Каллимаха рассуждает о сохранившихся фрагментах и диегезе. Согласно убедительной реконструкции Керкхекера, истории о приношениях Афродите Кастнии и Артемиде Эретрии связаны с необычными вариантами отправления культов в памфилийском Аспенде и на Евбее — как правило, Афродите не приносили в жертву свиней⁵, а κόλον (т. е. толстая кишка; с этим словом связывают этимологию Колениды) не годилась в качестве жертвоприношения.

В сохранившемся первом стихе ямба эпитет богини *Кастниетида* не назван (он восстанавливается из пассажа Страбона). Что касается слов «ибо эта богиня не одна», Керкхекер выдвигает предположение: может быть, Каллимах имеет в виду не *Афродиту Кастнийскую*, а *Афродит Кастнийских*? Дело в том, что в Аспенде культ Афродиты был как бы «сдвоенным»: в соответствующем святилище почитались *Афродиты*, что подтверждается археологическими и эпиграфическими свидетельствами [Kerkhecker 1999: 210–211].

Опираясь на эту теорию, мы можем утверждать, что фрагмент Каллимаха, на который ссылается Квинт в подтверждение того, что представление о множественности Афродит было «общим местом александрийской поэтической мифологии», пред-

⁵ Ср. Ath. 3. 49. Подробнее о культе Афродиты см.: [Pirenne-Delforge 1994].

ставляет собой ученое описание конкретного культа; для объяснения катулловского *Veneres* это не дает ничего.

Наконец, Артур Пиз в комментарии к «*De natura deorum*» Цицерона приводит еще одно свидетельство «эллинистического представления о множественности Афродит (Венер)», цитируя два слова из любовной эпиграммы AP 5. 95: Παφίαι δύο [Pease 1958: 1125]. В таком виде цитата выглядит правдоподобной; впечатление, однако, меняется, если взглянуть на эпиграмму целиком:

- (6) Τέσσαρες αἱ Χάριτες, Παφίαι δύο καὶ δέκα Μοῦσαι.
Δερκυλὶς ἐν πάσαις· Μοῦσα, Χάρις, Παφίη.
‘Харит — четыре, Афродит — две и Муз — десять!
Деркилида среди всех: она и Муза, и Харита, и Афродита’.

Таким образом, этот дистих не только не подтверждает тезис Пиза (и Квинна), но и прямо опровергает его: ведь если бы представление о множественности Афродит-Венер действительно входило в число поэтических клише, галантная шутка эпиграмматиста не удалась бы.

3. Обобщающее множественное число

Согласно Эллису, множественное число от *Venus* может означать «Венера и ее свита»: катулловские *Венеры* сочетают в себе Киприду и Харит [Ellis 1876: 7]. Это толкование, которое поддерживает целый ряд ученых [Simpson 1879: 72; Baehrens 1885: 82; Schuster 1954: 141; Albrecht 2001: 9], находит опору во влиятельных рассуждениях Якоба Вакернагеля об особенностях употребления множественного числа в классических языках. Вакернагель выделил и описал особую функцию *pluralis* от имен собственных, обозначающую множество людей, которые или носят такое же имя, или каким-то образом могут быть сравнены с носителем этого имени. В этом случае имя собственное становится нарицательным⁶.

⁶ К примеру, место из Марциала «*sint Maecenates, non deerunt, Flacce, Marones*» (8. 56. 5) Вакернагель переводит как «*Leute wie Maecenas, wie Virgil*» [Wackernagel 1950: 91].

Однако понимать под катулловским *Veneres* «Венеры и подобных ей» кажется по меньшей мере странным. Кто эти «подобные»? В римском пантеоне таких нет — Венера одна. Если же думать, что *Венеры* — это «Венера и ее свита», то возникает противоречие: в эту свиту в первую очередь входит Купидон, который у Катулла уже назван отдельно⁷.

4. Эллиптическое множественное число

Согласно иному толкованию, популярному у историков языка, *Veneres Cupidinesque* является примером эллиптического множественного числа; в этом случае оно будет означать «*Venus et Cupido*». Сторонники этой интерпретации, на наш взгляд, совершают ошибку, вырывая выражение из контекста катулловских стихов и рассматривая его так, как если бы оно было обычным языковым явлением, а не элементом художественного целого.

Так, в статье Эдуарда Швицера выделяются три типа эллиптического дуалиса:

1) одиночный эллиптический дуалис (напр., *Αἴαντε* = Аякс и Тевкр, *Castores* = Кастор и Поллукс; впервые это явление обнаружил Вакернагель у Гомера [Wackernagel 1969]⁸);

2) эллиптический дуалис с пояснением в единственном числе (*Αἴαντε Τεύκρος τε* = Аякс и Тевкр);

3) эллиптический дуалис с пояснением в дуалисе; здесь единственным примером приводится *Catul. 3. 1* [Schwyzer 1903: 29–31].

⁷ В личной беседе Н. А. Алмазова обратила наше внимание на названия произведений древнеаттической комедии вроде «*Ἀρχιλόχου*» Кратина или «*Ἠσιόδου*» Телеклида. Традиционная точка зрения понимает их как «Истории об Архилохе, Гесиоде и пр.»; однако издатели PCG склоняются в пользу обобщенного множественного числа: «*Κλεοβουλῖνα*» подразумевают Клеобулину и хор, состоящий из женщин ее окружения, «*Ὀδυσσεΐς*» — Одиссея и хор его спутников, «*Ἀρχιλόχου*» — Архилоха и хор его приверженцев. С другой стороны, в драмах, названных по имени *богов* (случай, наиболее близкий нашему) — «*Διόνυσου*», «*Πλούτου*», «*Χεῖρωνες*» — хор прямо состоял из одинаковых Дионисов, Плутосов и Хиронов [Kassel, Austin 1983: 121].

⁸ О латинских сочетаниях такого рода см.: [Hofmann 1972: 19].

В качестве дополнения к работе Швицера М. Силаши год спустя опубликовал заметку, в которой собрал примеры «третьего типа эллиптического дуалиса» в финно-угорских языках: мансийский и остяцкий языки в подобных конструкциях используют двойственное число, а утратившие дуалис мордовский и венгерский — множественное. Сложнее обстоит дело с латинскими параллелями, которые приводит венгерский ученый. В качестве таковых предлагаются Verg. A. 2. 579:

(7) *coniugiumque, domumque, patres natosque videbit*

(«patres natosque» Силаши переводит как «своего отца и своего ребенка») и Tac. Ann. 1. 10. 3:

(8) *Lollianas Varianasque clades, interfectos Romae Varrones, Egnatios, Iullos,*

где имеется в виду поражение *одного* Лоллия, *одного* Вария и др. [Szilasi 1904–1905]⁹. Оба эти примера нельзя назвать убедительными. Не касаясь трудного вопроса о том, кому принадлежат стихи Verg. A. 2. 567–588¹⁰, отметим, что современные издатели по большей части принимают гуманистическую конъектуру одной из рукописей XV в. *coniugiumque domumque patris natosque videbit*. Как замечает Роланд Остин, чтение *patris* превращает строку в триколон (муж — дом отца — дети); кроме того, при членении «*coniugiumque domumque | patres natosque*» сказуемое *videbit* оказывается ритмически отрезано от первой части перечисления [Austin 1964: 224]. К этому можно добавить, что и по смыслу «дети» ближе к мужу, а при чтении *patres* «*patresque natosque*» оказываются в слишком тесной связи. Кроме того, совершенно необязательно понимать *natos* эллиптически как

⁹ Также и Ф. Бадер полагает, что множественное число в *Veneres Cupidinesque* приближается к двойственному: латынь из-за утраты *dualis* «трансформировала» это выражение в *pluralis* [Bader 1962: 340]. Как видим, у Бадер не имеющее аналогов катулловское словосочетание не только становится ходовой идиомой, но и относится к глубокой древности.

¹⁰ По Девтеро-Сервию, эти стихи были исключены из «Энеиды» Варием и Туккой; мнения ученых Нового времени по поводу этих стихов расходятся.

«один ребенок». Во-первых, *natos* здесь может быть употреблено в юридически-терминологическом значении «потомство»¹¹; во-вторых, речь может идти о будущих детях, которых произведет на свет Елена, благополучно возвратившись домой. В качестве параллели сошлемся на Verg. A. 10. 531–532, где Эней отвечает Магу, только что (ст. 525) упомянувшему о своем *единственном* сыне: «argenti atque auri memoras quae multa talenta / *gnatis* parce tuis»¹².

Что касается тацитовского места, обобщающее употребление *pluralis* кажется здесь очевидным: в упрек Августу ставятся преступления, *подобные* убийству Варрона, Эгнация и других [Furneaux 1896: 196; Goodyear 1972: 163].

Таким образом, «третий случай эллиптического дуалиса» по Швицеру не засвидетельствован для латинского языка нигде, кроме катулловского выражения — которое явно не может служить показательным примером. Что касается возможности увидеть эллиптический дуалис в *Veneres* (без *Cupidines*; «первый случай» по Швицеру) [Friedrich 1908: 89], то ее закономерно отвергает Вильгельм Кроль: подобно *Castores* = *Castor et Pollux*, *Cereres* = *Ceres et Proserpina* и др., *Veneres* в этом случае должны были бы означать стандартную пару «Венера — Амур», и тогда *Cupidines* не могли бы стоять рядом [Kroll 1929: 5].

5. Аттракция числа

Другим объяснением употребления *pluralis* от *Venus* служит теория аттракции числа, где аттрагентом является форма *Cupidines*¹³. Так, Ф. Э. Бренк полагает, что множественное число

¹¹ Ср., например, Gel. 2. 13. 1: *antiqui oratores historiaeque aut carminum scriptores etiam unum filium filiamve **liberos** multitudinis numero appellarunt*; Serv. ad A. 10. 532: ***liberos** etiam unum dicimus filium*.

¹² Сервий понимает это *gnatos* в «терминологическом» смысле, а современный комментатор С. Харрисон — в проспективном [Harrison 1991: 206].

¹³ При аттракции числа «*Veneres Cupidinesque*» означает «Венера и Купидоны», так как *Venus* только внешне принимает форму *pluralis*, не меняя при этом значение. Этот случай нужно отличать от эллиптического множественного числа, где «*Veneres Cupidinesque*» означает «Венера и Купидон».

Veneres появилось по ассимиляции с Cupidines для гармоничности [Brenk 1980: 714]. Эллис также говорит о симметрии, которую придает выражению эта форма («возможно, первый набросок сочетания был Venus Cupidinesque») [Ellis 1876: 7]; аналогичной точки зрения придерживается Мёррилл [Merrill 1893: 6]. Кролль, один из сторонников этого объяснения, приводит похожий случай употребления множественного числа у Плавта (Aul. 451):

- (9) *Ite sane nunc intro omnes, et coqui et tibicinae.*
 ‘Идите все сейчас же внутрь, повара и флейтистки’.

При этом имеются в виду несколько поваров, но только одна флейтистка [Kroll 1929: 5–6]. Между тем, как подчеркивали А. Ризе [Riese 1884: 6], Ф. Слотти [Slotty 1905: 6–7] и Г. Фридрих [Friedrich 1908: 89], аттракция такого рода несовместима с именами собственными.

6. Наричательное значение

Объяснить употребление множественного числа можно, считая, что выражение Veneres Cupidinesque имеет нарицательное значение. Фордайс находит это весьма вероятным: Венера и Купидон являются олицетворениями сил любви; с характерной гиперболизацией Катулл применяет форму множественного числа, включив сюда все силы Очарования и Страсти [Fordyce 1961: 93]. Мёррилл считает использование здесь множественного числа скорее итогом, вытекающим из концепции характера Венеры и характера Лесбии: в образе Венеры были собраны все изящество и очарование разума и тела — Лесбия была умна и прекрасна собой, поэтому она обладала «всеми Венерами» (ср. сarm. 86. 6); и Катулл призывает всех, кто, имея схожие качества (*quantum est hominum venustiorum*¹⁴), мог бы разделить ее утрату [Merrill 1893: 6]. Слотти, хотя и считает, что Veneres — это все богини, к которым применим эпитет *venustissimae* (особенно Грации), также отмечает нарицательную природу *Венер* [Slotty 1905: 7]; Беренс говорит о том же в связи с Cupidines [Baehrens 1885: 82]. Также

¹⁴ Р. Сигер отмечает связь Veneres с прилагательным *venustus* у Катуллы [Seager 1974].

эту точку зрения разделяют Ризе [Riese 1884: 6], Лёфштедт [Löfstedt 1942: 71–72], Гулд [Goold 1983: 236], Томсон [Thomson 2003: 208] и другие ученые.

Что касается употребления множественного числа от *Venus* в римской литературе, оно засвидетельствовано только в формах *Veneres* (10 раз) и *Venerum* (1 раз); *dativus* и *ablativus pluralis*, в которых три кратких слога идут подряд, закономерно не используются.

Впервые это множественное число встречается в «Стихе» Плавта (ст. 278), где раб, приносящий хозяйке радостную весть, говорит:

- (10) *Amoenitates omnium venerum et venustatum affero.*
 ‘Я несу сладости всяческих прелестей и радостей’.

Это отчетливый пример абстрактного значения слова.

В *carm.* 86. 6 Катулл, сравнивая некую Квинтию с Лесбией, говорит, что его возлюбленная «*omnibus una omnis surripuit veneres*». Кролль [Kroll 1929: 260] и Фордайс [Fordyce 1961: 380] приводят к этому месту параллель из *Nonn. D.* 16. 45:

- (11) *παρθενικῇ γὰρ κάλλος ὅλον σύλησεν Ὀλύμπιον.*
 ‘Ибо девушка обокрала весь храм Зевса-Олимпийца в отношении [своей] красоты’.

Кролль также оспаривает идею Г. Узенера: по мнению последнего, *Veneres* в *Catul.* 86. 6 и 3. 1 — не метонимия, а следы типично римского религиозного представления о том, что у каждого человека есть свой гений, у всякой женщины вместо гения — Юнона; Узенер помещает в этот контекст и Венеру — получается, что сколько женщин, столько и Венер [Usener 1896: 298]. По мнению Кролля, ни эта искусственная конструкция, ни даже галантный мотив похвалы даме как «четвертой Харите» тут ни при чем. Мы в полной мере разделяем точку зрения Кролля, согласно которой «*omnibus una omnis surripuit veneres*» (*Catul.* 86. 6) означает «она одна украла у всех все [их] венеры», т. е. обаяние [Kroll 1929: 260].

Нарицательными являются *veneres* у Проперция (2. 10. 7):

- (12) *Aetas prima canat veneres, extrema tumultus.*
 ‘Пусть молодой возраст воспекает любовные сюжеты, а поздний — смятение войны’,

у Ювенала (13. 34):

(13) *Nescis, / quas habeat veneres aliena pecunia?*

‘Ты что, не знаешь, какая прелесть в чужих деньгах?’

и у Квинтилиана (10. 1. 79):

(14) *Omnes dicendi veneres.*

‘Все улады речи’.

Таким образом, *venus* (как изначально нарицательное обозначение)¹⁵ нередко используется в литературе во множественном числе.

Сочетание *Veneres Cupidinesque* встречается у Марциала в эпиграмме 11. 13¹⁶ о миме Парисе, убитом по приказу Домициана и похороненном на Фламиниевой дороге (стт. 3–7):

(15) *Urbis deliciae salesque Nili,
ars et gratia, lusus et voluptas,
Romani decus et dolor theatri
atque omnes Veneres Cupidinesque
hoc sunt condita, quo Paris, sepulchro.*

‘Наслажденья столицы и шутки Нила, изысканность, прелесть, забавы и удовольствие, красота и горе римской сцены и все Венеры и Купидоны похоронены в одной с Парисом могиле’.

Выражение *Veneres Cupidinesque* стоит здесь в одном ряду с абстрактными существительными и, по-видимому, само является абстракцией со значением «очарование и притягательность».

Однако такая интерпретация *pluralis* в Catul. 3. 1 вызвала возражения Г. Д. Джослина; он (будучи сторонником обобщающего множественного числа) опирается на своего рода закономерность: у Катуллы *homo* обозначает людей в противоположность богам (в то время как *vir* всегда указывает на мужчину) [Jocelyn 1980: 435–

¹⁵ Словарь Эрну и Мейе возводит Венеру к абстрактному *venus*, отмечая, что для слова на *-us*, *-eris* такая персонификация уникальна [Ernout, Meillet 1967: 721–722].

¹⁶ *Veneres Cupidinesque* здесь является аллюзией на Катуллу [Henriksen 2012: 62].

437]. Таким образом, по мысли Джослина, выбор слова *homo* в *carm.* 3. 2 должен означать, что «Венеры и Купидоны» — это не абстрактные качества, а полноценные божества.

Действительно, у Катулла в значительном большинстве случаев слова *homo* и *vir* так и используются. Однако есть исключение: в монологе покинутой Тезеем Ариадны (*Catul.* 64. 192) *facta virum* означает преступления людей вообще¹⁷ [Friedrich 1908: 361; Kroll 1929: 170; Konstan 1977: 79; Albrecht 2001: 123]. Для Катулла это выражение имеет эпический колорит; оно использовано в контексте довольно общего рассуждения Ариадны, и понимание под *facta virum* «проступков мужчин» в смысле «супругов», на наш взгляд, резко сузило бы характер ее монолога.

Тем не менее, предложение Джослина кажется вероятным: поэт выстраивает оппозицию, призывая *всех* оплакивать птенчика — и божеств, ценящих изящество, и красивых, изящных людей.

7. Просодическое обоснование множественного числа

Другое объяснение множественного числа в *Catul.* 3. 1 — требование метрики: *Venus Cupidoque* (○ — ○ — — ×) не может закрывать одиннадцатисложник, а *Veneres Cupidinesque* (○ ○ — ○ — ○ — ×) подходит идеально. И, на наш взгляд, такая мотивировка является в данном случае решающей.

Аналогичным представляется второй случай употребления *Veneres Cupidinesque* у Катулла — *carm.* 13. 12. В дружески-шутливом приглашении на обед, обращенном к другу Фабулле, Катулл обещает дать ему благовоние,

- (16) *quod meae puellae / donarunt Veneres Cupidinesque.*
 ‘которое моей девушке подарили Венеры с Купидонами’.

¹⁷ В этом значении сочетание *facta virum* встречается у Лукреция (5. 328), причем в том же месте стиха. В таком же смысле *facta virum* продолжает бытовать в гекзаметрической поэзии эпохи империи: *Sil.* 5. 424; 10. 496; *Stat. Silv.* 1. 2. 97; *V. Fl.* 1. 12. Отметим, что есть исследователи, которые понимают под *facta virum* у Катулла проступки мужей, т. е. измены [Baehrens 1885: 413; Ellis 1876: 315; Helm 1963: 105].

И здесь предполагаются именно Венера и Купидон, которые преподнесли возлюбленной поэта вполне конкретное благоволение.

В Catul. 36. 3 в конце гексасиллабического стиха встречается сочетание *Veneri Cupidinique* — те же имена божеств, только в единственном числе. По значению *Veneri Cupidinique* не отличается от предыдущих двух примеров — здесь также имеются ввиду настоящие Венера и Купидон. Это подтверждает довод о том, что множественное число в Catul. 3. 1 и 13. 12 не имеет специфического значения и вызван *metri causa*: использование этого устойчивого сочетания в *nominativus* и *vocativus* оказывается возможным только во множественном числе.

Аллюзии на стихи Катулла есть у Марциала. Отметим, что «“Птенчик” / птенчик Катулла» неоднократно упоминается этим поэтом (например, 1. 7. 3–5; 109. 1; 4. 14. 14; 7. 14. 4; 11. 6. 16; 14. 77). В одних случаях слово *passer* обозначает птичку, в других — диптих Catul. 2 и 3, который Марциал объединяет единым заглавием. В 9. 11 имеет место отсылка к *Veneres Cupidinesque* Катулла: речь идет о юноше Эарине, его «весеннее» имя, состоящее только из кратких слогов, не вписывается в стихотворный размер и потому побуждает поэта к череде перифраз. Одна из них гласит (стт. 5–9):

(17) *Nomen <...> / quod si Parrhasia sonet in aula, / respondent Veneres Cupidinesque.*

‘Имя, которому, если выкрикнешь его в паррасийских чертогах, вторят Венеры с Купидонами’.

И здесь, вероятно, тоже имеются в виду божества, а именно настенные росписи или скульптуры, изображающие Венеру и Амура.

Подводя итог, отметим, что несмотря на традицию использовать форму *Veneres* в абстрактном значении, стихи Катулла (*carm.* 3. 1 и 13. 12) и реминисценция у Марциала (9. 11) стоят особняком: во всех этих случаях, как и в Catul. 36. 3, имеются ввиду божества, а не обозначение изящества, красоты и т. д. На основании анализа возможных объяснений *Veneres Cupidinesque* у Катулла (*carm.* 3. 1) мы приходим к выводу о том, что в данном случае *pluralis* не несет специфического значения и не добавляет стихам иронического / пародийного оттенка. Выражением

Veneres Cupidinesque обозначаются божества Венера и Купидон, а множественное число определяется исключительно метрическими соображениями.

Литература

- Амелин 2005 — Катулл. Лирика / Пер. с лат. М. Амелина. М.: Время, 2005. [Catullus. Lirika [Lyric Poetry] / Trans. from Latin by M. Amelin. Moscow: Vremia, 2005].
- Немировский 2002 — Луций Ампелий. Памятная книжка / Изд. подгот. А. И. Немировский. СПб.: Алетейя, 2002. [Lucius Ampelius. Pamiatnaia knzhitsa [Liber memorialis] / Ed. A. I. Nemirovskii. St. Petersburg: Aleteia, 2002].
- Пиотровский 1929 — Катулл. Книга лирики / Пер., вступ. ст. и прим. А. И. Пиотровского. Л.: Academia, 1929. [Catullus. Kniga Liriki [Book of Lyric Poetry] / Transl., Intro. and Notes by A. I. Piotrovskii. Leningrad: Academia, 1929].
- Шервинский, Гаспаров 1986 — Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. [Gaius Valerius Catullus Veronensis. Kniga stikhotvorenii [Book of Poems] / Ed. by S. V. Shervinskii, M. L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1986].
- Albrecht 2001 — C. Valerius Catullus. Sämtliche Gedichte / Übers. und hrsg. von M. von Albrecht. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2001.
- Austin 1964 — P. Vergili Maronis Aeneidos liber secundus / With a comm. by R. G. Austin. Oxford: Clarendon Press, 1964.
- Bader 1962 — F. Bader. La formation des composés nominaux du latin. Paris: Belles Lettres, 1962.
- Baehrens 1885 — Catulli Veronensis Liber / Rec. Aem. Baehrens. Vol. 2. Lipsiae: Teubner, 1885.
- Brenk 1980 — F. E. Brenk. Non primus pipiabat: Echoes of Sappho in Catullus' Passer Poems // Latomus 39, 1980. P. 702–716.
- Doering 1834 — C. Valerii Catulli Veronensis Carmina / Ann. perpet. ill. F. G. Doering. Altonae: Sumtibus I. F. Hammerichii, 1834.
- Ellis 1876 — R. Ellis. A Commentary on Catullus. London: Macmillan and CO., 1876.
- Ernout, Meillet 1967 — A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. 4 éd. Paris: C. Klincksieck, 1967.
- Fordyce 1961 — C. J. Fordyce. Catullus: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 1961.
- Forsyth 1986 — P. Y. Forsyth. The Poems of Catullus. Boston: University Press of America, 1986.

- Friedrich 1908 — Catulli Veronensis Liber / Erkl. von G. Friedrich. Leipzig: Berlin: Teubner, 1908.
- Furneaux 1896 — The Annals of Tacitus / Ed. with introd. and notes by H. Furneaux. Vol. 1: Books I–VI. 2 ed. Oxford: Clarendon Press, 1896.
- Furtwängler 1886 — A. Furtwängler. Eros // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W. H. Roscher. Bd 1, 1. Leipzig: Teubner, 1886. Sp. 1339–1372.
- Goodyear 1972 — Tacitus. The Annals. Books 1–6 / Ed. with a comm. by F. R. D. Goodyear. Vol. 1. Cambridge: University Press, 1972.
- Goold 1969 — G. P. Goold. Catullus 3. 16 // Phoenix 23, 1969. P. 186–203.
- Goold 1983 — Catullus / Ed. with introd., transl., and notes by G. P. Goold. London: Duckworth, 1983.
- Harrison 1991 — Vergil. Aeneid 10 / With introd., transl. and comm. by S. J. Harrison. Oxford: Clarendon Press, 1991.
- Helm 1963 — Catull. Gedichte / Hrsg. von R. Helm. Berlin: Akademie-Verlag, 1963.
- Henriksén 2012 — Henriksén Ch. A Commentary on Martial, Epigrams, Book 9. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Hofmann 1972 — J. B. Hofmann. Lateinische Syntax und Stylistik / Neubearb. von A. Szantyr. München: C. H. Beck, 1972.
- Jocelyn 1980 — H. D. Jocelyn. On Some Unnecessarily Indecent Interpretations of Catullus 2 and 3 // The American Journal of Philology 101, 1980. P. 421–441.
- Johnson 2003 — M. Johnson. Catullus 2b: The Development of a Relationship in the Passer Trilogy // The Classical Journal 99, 2003. P. 11–34.
- Kassel, Austin 1983 — Poetae comici Graeci / Ed. R. Kassel et C. Austin. Vol. 4. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1983.
- Kerkhecker 1999 — A. Kerkhecker. Callimachus' Book of Iambi. Oxford: Clarendon Press, 1999.
- Konstan 1977 — D. Konstan. Catullus' Indictment of Rome: The Meaning of Catullus 64. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1977.
- Kroll 1929 — C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. Leipzig; Berlin: Teubner, 1929.
- Löfstedt 1942 — E. Löfstedt. Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins. 2. Aufl. Bd 1. Lund: C. W. K. Gleerup, 1942.
- Merrill 1893 — Catullus / Ed. E. T. Merrill. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1893.
- Pease 1958 — M. Tulli Ciceronis De natura deorum libri III. Vol. 2 / Ed. by A. S. Pease. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1958.
- Pirenne-Delforge 1994 — V. Pirenne-Delforge. L'Aphrodite grecque. Liège: Presses universitaires de Liège, 1994.

- Quinn 1973 — Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. London: Macmillan Classical Series, 1973.
- Riese 1884 — Catullus. Gedichte / Hrsg. und erkl. von A. Riese. Leipzig: Kessinger Publ., 1884.
- Rosenmeyer 1951 — T. G. Rosenmeyer. Eros: Erotas // *Phoenix* 5, 1951. P. 11–22.
- Schuster 1954 — Catulli Veronensis Liber / Rec. M. Schuster. Lipsiae: Teubner, 1954.
- Schwyzler 1903 — E. Schwyzler. Varia zur griechischen und lateinischen Grammatik // *Indogermanische Forschungen* 14, 1903. S. 24–31.
- Seager 1974 — Seager R. «Venustus, Lepidus, Bellus, Salsus»: Notes on the Language of Catullus // *Latomus* 33, 1974. P. 891–894.
- Simpson 1879 — Catullus. Select Poems / Ed. F. P. Simpson. London: Macmillan, 1879.
- Slotty 1905 — F. Slotty. De numeri pluralis usu Catulliano: Diss. inaug. Ienae: Typis G. Neuenhahni, 1905.
- Szilasi 1904–1905 — M. Szilasi. Veneres Cupidinesque // *Indogermanische Forschungen* 17, 1904–1905. S. 442–443.
- Thesaurus Linguae Latinae. T. 1–. Lipsiae: Teubner, 1900–.
- Thomson 2003 — Catullus / Ed. with a text. and interpret. comm. by D. F. S. Thomson. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2003.
- Usener 1896 — H. Usener. Götternamen: Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung. Bonn: F. Cohen, 1896.
- Wackernagel 1950 — J. Wackernagel. Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch. 1. Reihe. 2. Aufl. Basel: Birkhäuser, 1950.
- Wackernagel 1969 — J. Wackernagel. Zum homerischen dual (1877) // Wackernagel J. Kleine Schriften. 2. Aufl. Bd 1. Göteborg: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. S. 538–546.
- Walters 1976 — K. R. Walters. Catullan Echoes in the Second Century A. D.: CEL 1512 // *Classical World* 69, 1976. P. 353–359.
- Wlosok 1975 — A. Wlosok. Amor and Cupid // *Harvard Studies in Classical Philology* 79, 1975. P. 165–179.